

ЯН ЛУНДИН: С КЕМ МЫ ХОТИМ БЫТЬ ВМЕСТЕ...

ЯН ЛУНДИН

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР СЕКРЕТАРИАТА СОВЕТА
ГОСУДАРСТВ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

2012 – год двадцатилетия Совета государств Балтийского моря и год начала председательства России в Совете. О прошлом, настоящем и будущем СГБМ рассказывает «Янтарному мосту» генеральный директор Секретариата СГБМ Ян Лундин. Беседа состоялась в Пскове, «на полях» международной конференции «Приграничное сотрудничество: Российская Федерация, Европейский союз и Норвегия».

Двадцать лет назад Уфе Элеман-Иенсен и Ганс-Дитрих Геншер взяли на себя инициативу снять напряженность, возникшую в Балтийском регионе в результате трансформаций 1991-1992 годов. Чтобы наполнить возникший вакуум и построить новый мост между западом и востоком Европы, они предложили создать Совет государств Балтийского моря. Насколько их тогдашнее решение выдержало проверку временем?

Действительно, исторический контекст возникновения Совета государств Балтийского моря

был непростым. Распался Советский Союз, появились новые государства. В тот момент в регионе только Германия и Дания были членами Европейского сообщества. Необходимо было усилить институциональную составляющую, чтобы устанавливать новые связи, налаживать контакты в этой совершенно новой ситуации. Для этого и надо было создать СГБМ.

Думаю, что работа Совета в течение этих двадцати лет была успешной. Одним из свидетельств является обращение к нам за опытом других, более молодых, организаций. Например, на днях к нам в Секретариат в Стокгольме приехала делегация из RCC (Regional Cooperation Council) из Сараево. Эта организация существует около десяти лет. СГБМ является одним из самых успешных институтов регионального взаимодействия за последние двадцать лет. Несмотря на проблемы, которые иногда возникают в Балтийском регионе, наряду с ними, существует и чувство семьи, ощущение родственности народов. Наша задача заключается в том, чтобы это чувство усилить. В каждой семье бывают проблемы, ссоры, но, тем не менее, каждый год мы вновь готовы встретиться

друг с другом на высоком уровне и запечатлеть эту встречу на семейной фотографии.

В 1992 году надо было помогать новым государствам, налаживать связи и углублять сотрудничество между ними. Сегодня все страны, кроме Российской Федерации, Норвегии и Исландии, уже давно стали членами Евросоюза. Они не нуждаются больше в поддержке извне их собственных государственных институтов. Соответственно, эта задача в основном решена. Но потребность в углублении регионального сотрудничества остается актуальной. Именно поэтому остается нужда в СГБМ.

Сегодня еще есть различные препятствия для передвижения в регионе – многие российские граждане об этом хорошо знают. И многие граждане других европейских государств, которые хотят путешествовать в России, так же имеют немало проблем. Поэтому есть о чем заботиться и Евросоюзу, и Российской Федерации, а значит, и для СГБМ. Мы являемся той площадкой, где обсуждаются различные международные проблемы, – конечно, не единственной, но оптимальной для обсуждения проблем именно Балтийского региона. Потребность в СГБМ в обозримой перспективе не исчезнет

хотя бы потому, что мы пока не вернулись даже к той свободе передвижения, которая была сто лет назад. Тогда люди гораздо легче путешествовали в регионе. Собственно, кроме денег для этого ничего больше не требовалось. Сто лет назад, например, для шведа путешествие в Петербург было обычным делом. В тогдашней российской столице работало очень много шведов. Многие из них добивались успеха, разбогатели. Здесь можно вспомнить деятельность в России шведской телефонной компании Эрикссона. Украшением Петербурга остается гостиница «Астория», которая была построена сто лет назад по проекту архитектора Лидваля. И эта гостиница очень похожа на Гранд-отель в Стокгольме.

Сто лет тому назад Питер был естественным местом для бизнеса молодых амбициозных шведов, для путешествий, просто для хорошей жизни. И к прежнему статусу ваша северная столица пока не вернулась. Уверен, когда будет отменен визовой режим, это неизбежно произойдет. Это не простая, но разрешимая задача. Ожидая ее решения в ближайшие годы. Над этим необходимо работать. И дело здесь не только в свободе передвижения как такового. Это не только туризм.

Граждане государств региона должны иметь возможность свободно учиться, работать, вкладывать деньги там, где они того пожелают.

Свобода передвижения – не единственная и не самая сложная проблема. Экология региона сегодня гораздо хуже, чем сто лет назад. Каждая эпоха приносит с собой новые вызовы. Региональное сотрудничество необходимо для того, чтобы достойно на них отвечать.

СГБМ являет собой не только политический, но и практический уровень сотрудничества, располагая для этого многочисленными инструментами.

СГБМ это координатор регионального сотрудничества?

Не люблю слово «координатор». СГБМ не есть дирижер, который управляет всем. Я рассматриваю сотрудничество в Балтийском регионе как нечто более сложное. В нем участвуют много игроков. Не только государства, но и, например, торговые палаты, многие другие организации, которые хотят работать в балтийском контексте. Есть регионы мира, которые хотели бы иметь столько организаций, столько игроков, как у нас.

СГБМ это источник политических сигналов. Каждый раз, когда встречаются премьер-министры государств региона или министры иностранных дел, или транспорта, или энергии, это важно для всех остальных игроков в региональном контексте. И если под координацией понимать политические сигналы, тогда такое определение будет верным.

Кроме того, следует напомнить и о встречах министров ХЕЛКОМ – такого важного игрока в регионе во всем, что связано с экологией, с качеством воды. Проводятся также встречи на высоком уровне Северного измерения. И даже на Baltic Sea Action Summit также иногда имеют место встречи на высоком политическом уровне.

СГБМ между ними является, если можно так сказать, коренником балтийского сотрудничества. Но мы, конечно, не управляем всем тем, что здесь происходит. Например, Стратегия Европейского союза для Балтийского моря. Влияние СГБМ здесь ограничено – всё решается в Брюсселе. Иногда к обсуждению соответствующих вопросов подключается Россия, но она всё же не является членом ЕС. Так же и Стратегия развития Северо-Западного федерального округа не является документом, где Евросоюз может свободно влиять. Тем не менее, думаю, что обе стратегии полезны для региона и

что СГБМ может являться фактором и площадкой их реализации в интересах всех членов СГБМ. И это действительно так, когда мы говорим об устойчивом росте и о конкурентоспособности региона в целом, его транспортных сетей, об экологии. Во всём этом СГБМ играет существенную роль.

Согласны ли Вы с прозвучавшими, в том числе здесь, на конференции в Пскове, утвержде-

ниями о том, что первая версия этой Стратегия успешно выполняется? Как Вы оцениваете реализацию Балтийской стратегии ЕС? Каковы перспективы разработки и принятия её новой версии?

Стратегия ЕС это успешная добавка к сотрудничеству в Балтийском регионе. В том смысле, что она вносит вклад в обеспечение прозрачности нашего сотрудничества. Организуются ежегодные встречи всех игроков Стратегии Евросоюза. Дискуссии и документация этих встреч дают возможность лучше понимать происходящее в регионе. Раньше это было гораздо труднее делать. Было много программ Евросоюза, но мало информации о том, где и как работает какая программа. Сейчас картина стала яснее. Это дает возможность координации, даже спонтанной координации. Когда человек знает, что что-то уже делается, он выра-

жает желание присоединиться. И никто не против.

Но есть разные слабости Стратегии. Возможно, многие государства Евросоюза считают, что было ошибкой не включить Россию. Но тут возникают различные политические и институциональные проблемы, и я не буду комментировать этот аспект. Стратегия Евросоюза не помогла настолько, насколько этого от нее ожидали, финан-

сированию различных полезных мероприятий регионального характера. Есть надежда, что в новой версии Стратегии, в новом Плане действий это улучшится. С 2014 года будет новая так называемая финансовая перспектива бюджета Евросоюза. Мы, конечно, не знаем, что произойдет с кризисом евро, но, тем не менее, ожидаем, что те фонды, которые существуют для регионального сотрудничества, – достаточно большие фонды, миллиарды евро, – не будут меньше, чем раньше, и они будут более гибкими, в том смысле, что Стратегия сможет больше на них влиять. Сегодня, как ни странно, Стратегия имеет слабое влияние на финансирование. Но с 2014 года это может быть по-другому. Евросоюз учился на первой фазе Стратегии. Сейчас пытаются создать конкретные цели и плановые индикаторы для каждого направления в рамках Стратегии. Это трудная работа, но

важная и интересная. Например, как организовать индикаторы сотрудничества в сфере гражданской безопасности, к чему стремиться, когда считать задачи выполненными? Те, кто занимался плановой экономикой, знают, как это трудно и каковы последствия ошибочных индикаторов.

Итак, до сих пор – достижением является прозрачность; в будущем – быть может, финансовая гибкость и финансовые улучшения, а также появление плановых индикаторов. Меня, конечно, очень интересует потенциал российской северо-западной Стратегии в этом контексте, хотя она в большей степени ориентирована на решение внутренних проблем. Тем не менее, там есть приграничный элемент, там есть различные идеи о том, как можно сотрудничать в рамках СГБМ. Секретариат будет рад принять участие в этой дискуссии, и мы уже разговариваем об этом, например, с Минрегионом России.

Вернемся к Совету государств Балтийского моря. В последние годы стало привычным, что финансирование проектов, реализуемых под эгидой СГБМ, всё чаще осуществляется на паритетной основе. Это признак нормализации взаимодействия. В третьем номере «Янтарного моста» министр иностранных дел России Сергей Лавров обозначил целый ряд новых источников финансирования проектов. Складывается ощущение, что масштабы финансирования проектов СГБМ возрастут чуть ли не на порядок. Какими Вам как генеральному директору видятся перспективы расширения финансирования проектов, реализуемых под эгидой СГБМ, а также перспективы расширения круга источников такого финансирования? И, имея в виду это расширяющееся финансирование, какие задачи представляются Вам наиболее актуальными для приложения совместных усилий членов Совета?

Это хороший вопрос, сложный. Моя философия такова. Не следует начинать с денег. Сначала нужна идея. Если идея хорошая, на ее поддержку можно найти деньги. Мы ищем такие идеи, потенциально полезные проекты регионального сотрудничества, например, в туризме, в молодежных контактах, в сфере образования, в экологии и устойчивом развитии. Имея некоторые возможности для их реализации, мы стремимся искать партнеров, с которыми можно было бы разделить финансирование. В том, что касается дополнительных фондов, я – оптимист.

Важен и другой аспект данного вопроса. В СГБМ есть фонд для поддержки проектов, в нём не так много денег – миллион евро. Но эти деньги имеют символическое значение. Если на некий проект идут деньги СГБМ, значит, все его члены поддерживают данное начинание.

Есть еще один значимый новый элемент в деятельности СГБМ – пилотная финансовая инициатива. Это не гранты, это кредитные линии для развития общественно-частного партнерства в сферах, значимых для устойчивого развития Северо-Запада России, в том числе для развития малого и среднего бизнеса. Финансирование будет осуществляться в кооперации германского и российского госбанков – KfW и Внешэкономбанка. Мы надеемся, что эта инициатива будет поддержана и другими финансовыми институтами региона Балтийского моря. В ноябре планируем провести конференцию в Калининграде, чтобы обсудить со всеми заинтересованными сторонами аспекты реализации партнерства SEBA, нацеленного на модернизацию юго-восточной части Балтийского региона. Пилотная финансовая инициатива вместе с SEBA это новое, более «конкретное» измерение сотрудничества.

Новации в финансировании проектов СГБМ, в некотором роде, являются и трансформацией самой организации. Какие другие моменты ее совершенствования Вы считаете важными?

В Секретариате мы постоянно работаем над тем, чтобы быть более гибкими, ориентированными не только на поддержку политических процессов, но и на сотрудничество с другими игроками. Иногда даже на имплементацию отдельных проектов. Очень важное направление нашей работы – обеспечение коммуникации, углубление нашей способности к взаимодействию с масс-медиа. У нас есть свой сайт, который мы стремимся совершенствовать, используя для этого и новые возможности Интернета, такие как Твиттер, Фейсбук, социальные сети. За два года моего пребывания в должности коммуникационные возможности СГБМ расширились. Недавно у нас появился российский сотрудник, который будет отвечать за коммуникации, и в течение российского председательства мы запустим версию нашего сайта на русском языке.

Кроме того, идет работа по совершенствованию самого Секретариата, достижению большей гибкости в сотрудничестве с различными ре-

гиональными субъектами. Мы переходим к работе в проектной форме. От каждого нового человека, которого мы берем на работу, мы ожидаем наличия значительного опыта в реализации проектов, ожидаем владения русским языком и, в целом, способностью к профессиональной коммуникации. У нас высокие требования к кадрам. Есть много людей, желающих работать в Секретариате. Я горжусь этим. У нас небольшой штат – двадцать человек. Это совсем немного. С помощью всех тех экспертных сетей, которые у нас есть, мы и стали сильным фактором в регионе.

Кстати сказать, в других институтах, занятых балтийским сотрудничеством, штаты тоже невелики. Насколько я знаю, в Комиссии в Брюсселе всего пять человек непосредственно работают над реализацией Стратегии для Балтийского моря. В Секретариате Северного измерения тоже занято мало людей. Это небольшие, но гибкие структуры. Их взаимодействие, их совокупность обеспечивают довольно высокую эффективность регионального взаимодействия.

Какие проблемы на Балтике и вокруг Балтики находятся пока вне фокуса общественного внимания, или же им уделяется недостаточное внимание?

Приоритеты балтийского сотрудничества достаточно известны. При этом в восточной части региона больше внимания уделяется экономическим вопросам, а в западной – экологическим. Думаю, это различие необходимо преодолевать, так как первое не противоречит второму. Хотя, конечно, причины такого различия носят объективный характер.

В состав СГБМ входит Исландия. Это исторический казус или нечто большее? Когда в 1995 году в члены Совета была принята эта особенная страна, предполагалось ли некое уточнение задач и формата СГБМ?

Принятие Исландии – знак сильного идентитета Нордена в регионе. Идентитет Нордена сегодня сильнее, чем идентитет балтийский. Это результат столетнего сотрудничества семьи северных народов. Можно только надеяться, что спустя сто лет после создания СГБМ балтийская идентичность станет столь же сильной, как северная сегодня.

Никто из членов СГБМ, в том числе и Россия, не был против того, чтобы Исландия присоединилась. Конечно, это небольшая страна, и ее

вклад в сотрудничество по объективным причинам ограничен. Повторюсь, членство Исландии свидетельствует, прежде всего, о том, что северные страны хотят работать и в Балтийском регионе. Это позитивный фактор.

Когда в 1992 году два министра выступили с инициативой создания СГБМ, элиты трех новых независимых государств на восточных берегах Балтики ожидали несколько иного. Там витали надежды на подключение к проектам интеграции на Севере Европы, обсуждение которых время от времени усиливается. Но им предложили СГБМ. А спустя несколько лет – к новому формату, к СГБМ, была присоединена такая страна, как Исландия. Не означает ли это – пусть ретроспективно, – что тем самым был запущен процесс интеграции двух идентичностей – балтийской и Нордена?

Каждый человек несет в себе несколько идентичностей: я – отец, я – шахматист, я – швед, я – гражданин Балтийского моря, я – член нордической семьи, я – подданный Евросоюза. Думаю, балтийская идентичность будет усиливаться. Возможно также, будет усиливаться и европейская идентичность. Для отдельного человека значимость той или иной идентичности меняется со временем. Например, сегодня я чувствую себя гражданином Европы в большей степени, чем двадцать лет назад. Пройдет еще двадцать лет, и, быть может, я буду чувствовать себя в большей степени гражданином Балтийского региона, чем гражданином Европы. Это зависит от политического и экономического развития, а также от наших собственных желаний – от того, с кем мы хотим быть вместе. Одна польская коллега сказала мне: раньше нас считали Восточной Европой, сейчас – говоря о кризисе в Греции – нас

считают Северной Европой. Это пример того, как быстро могут меняться идентичность и её восприятие.

Разумеется, я не являюсь экспертом в данной области. Но хотел бы приложить силы к тому, чтобы балтийская идентичность усиливалась. Германия, включив в число приоритетов своего председательства в СГБМ усиление региональной идентичности, уже проявила свою позицию по данному вопросу. Надеюсь, что и Россия готова сотрудничать на этом направлении. Я рад, что «Янтарный мост» интересуется проблемами идентичности в Балтийском регионе.

Александр Чечевишников,
специально для «Янтарного моста»